

Юрий Молин

ТЕЛО КАК УЛИКА

ИСТОРИИ ОТ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М 751

Молин Ю. А.

М751 Тело как улика. Истории от судебного эксперта / Ю. А. Молин. – СПб.: Алетейя, 2026. – 330 с.

ISBN 978-5-00267-103-8

В новой книге профессора Юрия Молина рассказывается о работе судебно-медицинских экспертов, прокуроров, следователей. Автор раскрывает аспекты их взаимодействия по раскрытию преступлений против жизни граждан. Основываясь на личной многолетней практике, Ю. А. Молин в захватывающем читателя жанре – детективном, повествует о драматических событиях, как ставших достоянием средств массовой информации, так и известных поныне лишь узкому кругу лиц. Преступления, нередко невероятные по фабуле, подвергаются научной расшифровке нашим современником – одним из ведущих судебно-медицинских экспертов России, педагогом и писателем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00267-103-8

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Ю. А. Молин, 2026
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
От автора 8

Начало экспертных трудов 11
Волосы-изобличители 18
Цементный бушлат для гниды 24
Пуля для генеральской псины 33
Тамара Гавриловна 40
Осенние портреты 51
Вень Вень 66
Старуха и смерть 73
Эксгумация истины 79
Кровавый колодец 86
Смертельные бои на семейном ринге 90
Удавление совести 95
Ружье, которое все-таки выстрелило 103
Бесовщина 111
Смерть за рулем 116
Звонок по мобильнику 123
Тихвинский Мегрэ 129
Омертвение души 135
Евгений Савельевич 141
Такая тихая смерть 151

Мраморная нимфа ... 161
Любимая Будогощь ... 170
«Страшная тайна ленинградских болот» ... 177
Ночи полной луны ... 186
«Комиссионки» ... 197
Дела врачебные ... 204
Рассказы М. М. Никельбурга ... 209
Осенняя депрессия ... 216
Серьги, которые не достались Ивану Грозному ... 228
Выбор пути ... 238
«Могилы моей не ищите ...» ... 245
Возвращение Преподобного ... 252
Ягодка ... 257
Ночной призрак ... 267
Смерть вампира ... 276
Жестокий романс ... 287
Деревенские рассказы ... 291
Медицинский жгут
и жемчужные бусы ... 300
Возвращение защитницы Углича ... 318
Мысли в пути (Вместо заключения) ... 323

НАЧАЛО ЭКСПЕРТНЫХ ТРУДОВ[1]

Удивительны и не разгаданы до сих пор свойства человеческой памяти. Чем дальше уходят от нас дни молодости, тем ярче становятся воспоминания о многих событиях, интересных знакомствах, добрых людях, встретившихся нам на земном пути...

У меня, как окончившего институт с отличием, был выбор: остаться в Alma mater для занятий наукой в аспирантуре или ехать в глубинку на три года, поработать врачом на селе. К счастью (теперь я это понимаю), на родной моей кафедре судебной медицины аспирантских и ординаторских вакансий в год получения диплома не оказалось. Предложенное мне место не устроило профилем кафедры (не хочу называть ее, дабы не обидеть нынешних сотрудников). Так я оказался в маленьком сельском районе Псковщины. Все родственники и друзья были в шоке. Лишь батюшка, Александр Яковлевич, офицер-фронтовик, человек суровый и дальновидный, которому обязан я жизнестойким мужским характером, сказал: «А поезжай-ка, послужи с нуля, сынок! Оно ох как полезно!» А ведь мог отец обратиться к друзьям-адмиралам, сослуживцам по Балтийскому флоту, с кем прошел войну, попросить помочь оставить в Ленинграде единственного сына. По молодости и глупости рассчитывал я на это, учитывая далеко не блестящее состояние здоровья родителей. Не позвонил... Как же я благодарен отцу за это! Три года, проведенных на селе, дали не меньше, чем шесть лет института. Ночные дежурства на «скорой помощи», диагностически сложные больные терапевтического отделения, эпидемиологические обходы молочного заводика и детских садов завершили врачебное становление, дали знание жизни людей и страны.

[1] Некоторые подлинные имена и фамилии в книге мной изменены.

Отец и мама через несколько месяцев навестили меня, совершенно очаровав добрую мою квартирную хозяйку обходительностью и питерскими гостинцами. На вокзале, за минуту до отправления пассажирского поезда в Ленинград, отец, словно подводя итоги визита и отвечая на невольные жалобы мои (на жестокие морозы, выдавшиеся в тот год, необходимость носить воду из колодца, отсутствие привычных студенческих развлечений, простоту нравов людей), сказал: «Твой прапрадед, а мой дед по матери, Алексей Степанов, был скобарь! Это твоя земля, сынок. Ее зовут Россия. Всегда помни это». Крепко обнял и, не оборачиваясь, вошел в вагон. Поезд тронулся...

* * *

Поселок П. встретил меня тишиной, деревянным одноэтажным «Домом заезжих» (так тогда в маленьких городках СССР назывались гостиницы), дивным ароматом отцветавших лип, обрамлявших главную улицу поселка. Она протянулась от железнодорожного вокзала до окраин, представленных жилыми домами для персонала птицефабрики, единственного крупного «градообразующего» объекта.

По звонку главного врача центральной районной больницы Виталия Алексеевича Авдошина мне был забронирован единственный одноместный номер — комнатушка площадью около 6 квадратных метров, отделенная фанерной перегородкой от общей «спальной залы» на 12 мест. Комплект старого, но тщательно вычиненного, абсолютной чистоты постельного белья и стакан крепкого чая тотчас же были мне предложены приветливой, чистенькой старушкой Марией Николаевной, дежурным администратором этого древнего заведения. Она присела рядом, долго изучающе рассматривала меня. Потом доброе лицо женщины осветилось лучиками морщинок, четче оттенивших темные внимательные глаза: «Сынок! Шумно, да и дорого здесь. Хочешь, сдам комнату дешево? Дом большой, одна я. Деда пять лет тому назад похоронила, будет и мне повеселее».

Так в мою жизнь вошла Мария Николаевна Николаева, удивительной судьбы женщина. Яркие рассказы долгими вечерами о былом, о людях ее поколения, о революционной буре, разрушившей созданный трудом многих поколений надежный быт и достаток, о высылке семьи на Север, о расстрелах священников, о публичном со-

жжении икон потрясли меня. «Мне уже бояться нечего, отбоялась за семьдесят лет, а вы, детки, должны знать, что было! Сейчас радио слушать невозможно: одни планы! Сколько посеяно, сколько будет убрано... А осень придет — сосчитают, прослезятся! Никто, как Бог, все управит, без планов обкомовских!» Тяжелый крест, посланный ей в жизни, пронесла она с терпением, призвав на помощь веру и чувство собственного достоинства. Когда я, столичный мальчишка, по молодости и маловерию, жаловался ей зимними вечерами, сидя у потрескивавшей березовыми дровами печи на трудности жизни и работы, Мария Николаевна говаривала обычно: «Господь каждому дает Крест по силам! Вынесешь!»

* * *

Подробно, до деталей, помню свой первый выезд на место происшествия в составе оперативно-следственной бригады. В те годы вызов на место осуществлялся приездом сотрудников домой на стареньком «козлике» дежурного сержанта милиции. Телефонов — ни мобильных, ни стационарных — у подавляющего большинства жителей поселка П. не было.

Пока я собирался (обычно это занимало 5–6 минут), сержант Паша Андреев дал «вводную»: «На 3-м километре от поселка в канаве — труп мужика мордой вниз, в воду. На затылке — запекшаяся кровь! Ужас! Видно, огнестрел... Прокурор уже приехал в отдел, сам собирается ехать на место». Потрясенный предстоящей перспективой впервые продемонстрировать свои новейшие судебно-медицинские знания местной правоохранительной элите, я судорожно бросил в портфель общую тетрадь с записями лекций профессора Нины Михайловны Дементьевой. Хотелось успеть по дороге прочесть раздел по тактике осмотра места преступления, совершённого в условиях неочевидности, а также при огнестрельных повреждениях.

В милиции меня уже поджидали прокурор Виталий Дмитриевич Ротенко, следователь прокуратуры Женя Оспельников, начальник отдела внутренних дел Николай Семенович Волков, оперативники. Убийства в те годы были редки, а потому все были встревожены и оживленно обсуждали предстоящую работу. Прокурор, оглядев собравшееся «войско», дал команду на выезд. Через 10 минут мы

вышли из автомашины на обочину грунтовки, ведущей в соседний районный центр. Участковый инспектор поджидал нас на месте. Потрясающей красоты сосновый бор с редким еловым подлеском тянулся по обеим сторонам шоссе. Лишь щебетание птиц нарушало торжественный вечный покой природы.

Глубина придорожной канавы была около метра. На дне ее лицом вниз располагалось тело мужчины в старой поношенной одежде. Руки были подведены к груди, ноги вытянуты. Ротенко внимательно осмотрел следы на дороге, спуск в канаву, у которого лежал труп. Женя Оспельников, усевшись на раскладной деревянный стул, обычно служивший предметом шуток опергруппы, приготовился записывать диктуемые судебным медиком сведения, характеризующие труп. На соседней коряге, нагло разглядывая нас, сидела большая коричневато-зеленая лягушка. При первом же фотоснимке со вспышкой она плюхнулась в родную придорожную жижу. «И где же кровь? Где огнестрельная рана затылка? — грозно спросил Ротенко участкового инспектора, сообщившего о трупе. — Ты тело осматривал?» — «Так точно, детально обглядел, Виталий Дмитриевич!» Тучный пожилой прокурор, обутый в легкие полуботинки, попытался было спуститься в кювет, но я опередил его. «Давайте я гляну быстро повреждения, а потом “указники” вытащат тело на дорогу!» Предусмотрительно надев резиновые сапоги, я опрометчиво решил, что все проблемы решены. Первый блин (вернее, труп), однако, оказался комом...

Осторожно спустившись в кювет, я приступил к осмотру. «Запекшаяся кровь» в затылочной области была засохшей грязью. Методически обследуя на ощупь целость костей черепа, я внезапно почувствовал, как грудная клетка трупа, на которую я попытался опереться, вдруг... стала «уходить» от меня в сторону. Голова, только что обследованная мной, приподнялась. Приподняв заляпанные грязью веки, «труп», обдав меня страшным винным перегаром, заплетающимся языком произнес: «Ты что... ты хто? Щупать меня? Ах, ты...!» Я онемел от изумления и неожиданности. Секунда... И молодой специалист, бросив в канаве экспертный чемоданчик, пулей вылетел на шоссе. «Вдребезги» пьяный мужик, попытавшийся пуститься за мной в погоню, приподнялся, покачнулся и вновь плюхнулся задницей в болотную жижу. Грязные брызги долетели до опер-

группы. «Да это же Ваня Гуля с Пионерской улицы!» — вглядевшись, опознал пьяницу Ротенко, знавший в лицо и по фамилии весь «антисоциальный элемент» в районе. Н. С. Волков, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, встав на край канавы, скомандовал: «Гуля, пьяная рожа, вылезай, пока я не распорядился тебя прямо в канаве отметелить! Без суда!»

Эпизод этот много лет служил поводом для веселых воспоминаний об «историческом» осмотре трупа на месте обнаружения, превратившись со временем в экспертный анекдот. Гуля, встречая меня потом в поселке, приподнимал засаленную кепчонку и говорил: «Здравия желаю, доктор! Чур, меня не вскрывать, когда копыта по-настоящему отброшу!» Смеясь, я отвечал: «Это — добрая примета тебе, Петрович! Проживешь сто лет!»

* * *

В завершение очерка, посвященного первым месяцам работы судебно-медицинским экспертом на Псковщине, упомяну еще об одном виде деятельности, которым приходится заниматься людям моей специальности. Это — экспертиза «потерпевших, обвиняемых и других лиц», как официально называется такой контингент граждан. Предметом этой экспертизы (или обследования — при отсутствии уголовного дела) могут явиться: оценка тяжести вреда здоровью, возникающего вследствие причинения человеку повреждений, установление последствий преступлений против половой неприкосновенности (чаще всего при изнасилованиях), идентификация личности и другие ситуации, когда дознанию, следствию, суду требуются судебно-медицинские познания... Существуют и иные, сложные виды экспертиз «живых лиц», которые выполняются не на районном уровне, а в областных Бюро судебно-медицинской экспертизы, — например, оценка дефектов лечения, определение состояния здоровья.

Районные эксперты, как правило, длительно живущие в городах и поселках своей зоны обслуживания, со временем узнают контингент так называемых хронических травматиков — постоянных посетителей амбулаторного приема судебного медика. Это супруги, привыкшие выяснять взаимоотношения с помощью кулаков и иных

«твердых тупых предметов», это алкоголики и бомжи, систематически избиваемые собутыльниками, это мелкие воришки, застигаемые на месте преступления, наказание которых осуществляется без привлечения полиции. Есть еще один печальный контингент, о котором я хотел бы сказать особо. Это женщины так называемого легкого поведения. Они оказываются на панели, которая служит им рабочим местом, в силу разных причин, в том числе от них не зависящих. Профессия, ввиду нелегального статуса, чревата травмой, иногда тяжелой. Конфликт с клиентом из-за неоплаты услуги, недовольство ее качеством, просто хулиганство — вот основные источники причинения телесных повреждений несчастным девчонкам. Я уже не говорю о различных «мамах» и «папах» — сутенерах, содержателях притонов, «охране», паразитирующих на этих женщинах. Такие «попечители» привыкли содержать штат «жриц любви» в повиновении с помощью рукоприкладства.

Первой посетительницей на амбулаторном приеме у меня как судебно-медицинского эксперта была молодая красивая блондинка, Настя Н. «Ой, новый доктор! Совсем молоденький! Женат? Надолго к нам? Небось, питерский? На три года сослали, бедненький!» — без умолку трещала она, начав без приглашения раздеваться практически догола и демонстрируя ссадины и кровоподтеки на молочных железах, предплечьях, ягодицах. Несколько смутившись от такого напора, я словно в рот воды набрал. Ситуацию разрядила фельдшер Нина Васильевна Алексеева, моя помощница на амбулаторном приеме: «Анастасия, заткнись! Давай направление участкового и паспорт! Нет паспорта? Уматывай за документом! Порядок знаешь. Нечего голову доктору морочить! Купи селедку в магазине на свои нетрудовые и морочь голову ей!»

Настя не обиделась, быстренько оделась, распространяя на всю комнату терпкий аромат духов, подмигнула мне накрашенным в синий цвет веком: «Васильевна! Ты мои денежки не считай! На сладком месте счетчика нет! Зачем тебе мой паспорт? Ты и так меня как облупленную знаешь. Мне только Женьку попугать экспертной справкой. Нахал, что натворил вчера во время сеанса! До свиданьица, я мигом до дома слетаю — меня, такую сладенькую, любой водила домчит!» Выходя из кабинета, снова улыбнулась мне: «Доктор!

Пригласите девушку в ресторан...» Закончить Настя не успела, краем глаза уловив начало стремительного движения в свою сторону Нины Васильевны... За три года моей работы в поселке побывала эта девочка у меня на приеме около двадцати раз. С каждым разом повреждений становилось больше, одежда — грязнее, духи — дешевле. Приехав через десять лет на Псковщину, узнал я, что Анастасия и закончила свою жизнь «на приеме» у эксперта. Судебно-медицинское исследование трупа установило печальный итог ее жизненной стези: острое отравление этиловым алкоголем...

Меня давно волнует эта проблема, не урегулированная ни в наших столицах, ни в мелких городах. Ведь традиции и опыт введения в легитимное русло этого вечного, как мир, явления существуют во многих странах. Почему-то не принято вспоминать о том, что в дореволюционной России за проститутками велся жесткий полицейский, медицинский и налоговый контроль, а труд их был легальным. Видимо, существующий беспредел кого-то устраивает. Здесь много вопросов — даже в определении понятий.

Не все ли равно — получать плату за секс повременно или денежные подачки на протяжении месяцев? И почему одни «вознаграждаемые» — вне закона, а другие — героини светских хроник? Несмотря на то что проституцию называют «продажной любовью», дело вовсе не в факте ее продажи. Наше нынешнее общество настолько терпимо, что, по большому счету, мы покупаем и продаем все. Ответ на вопрос о «грани» прост и парадоксален. Проститутка — та, которая продается любому. Она вне морали, для нее не существует проблемы выбора. Она выбрала деньги и доступна каждому. Не стоит обманываться, эти загадочные существа, которые не выбирают, подвизаются не только в секс-индустрии. Никакие облавы не помогут закрыть бордели, существующие в других профессиональных сферах. Как только журналист, политик или актер забывают о моральном выборе, руководствуясь лишь размером вознаграждения, — добро пожаловать в клуб фирменных проституток. А эти заклейменные всеми бедные девчонки, что стоят на улице в любую погоду, — они почти что невинны и чисты. Мимо на роскошных авто катит элита их профессии!

ВОЛОСЫ-ИЗОБЛИЧИТЕЛИ

Во время встреч с молодыми коллегами — экспертами из других регионов, приезжающими на стажировку в наш Университет, — на заседаниях студенческого научного общества кафедры судебной медицины моей дорогой Alma mater иногда просят рассказать о какой-то особенно запомнившейся экспертизе. Обычно я вспоминаю о случае, который лег в основу этого рассказа. Почему? Видимо, потому, что то давнее дело было первым экспертным исследованием молодого специалиста, приехавшего на работу в сельский район Псковщины в далеком 1972 году, по делу об убийстве.

Всю экспертную жизнь я настороженно относился к детективному жанру в прессе и на телевидении. Меня раздражал обывательский интерес к уголовным делам — узнать тайны других, неслыханные пороки, невиданные грехи, желание побарахтаться в чужой грязи, чтобы можно было вслух повозмущаться, а втихомолку посмаковать беды посторонних людей. Однако с годами я понял, что «уголовная» журналистика, детективы имеют и положительный заряд, для многих людей неся не только некую просветительскую нагрузку, но обладая и воспитательным действием. Именно поэтому в последние годы я все чаще заглядываю в заветные старые папки с давними архивными делами, вглядываюсь в пожелтевшие фотографии, листаю копии постановлений следователей и с ними уношусь мыслями в ушедшую экспертную молодость...

* * *

Осень в тот год пришла резко, словно обрубив лето. Кончилось короткое северное тепло. Лишь в конце сентября выпала недолька помилосерднее вместо ожидавшегося, но так и не наступившего ба-

бьего лета: небо по-летнему осветилось, заголубело, распахнулось над остывающей землей, но дышало уже по-осеннему. Солнце низко катилось по небосклону тускло блиставшей теплой монетой. Год выдался грибным, богатым на боровики. Вместо столь характерных коротких «полос» они шли в корзины сборщиков без перерыва, начиная с влажного и теплого июля. В тот памятный день мы собирались пораньше удрать с работы и ехать на любимые места грибной охоты.

Уже одевая плащ, я услышал дребезжащий звук старенького телефона (вызовы абонентов принимала и вручную набирала телефонистка!). Я ласково называл своего увесистого древнего помощника — «боец времен Очакова и покоренья Крыма». Звонил Евгений, следователь районной прокуратуры, входивший в «грибную бригаду». Старше меня по возрасту и стажу на целый год, он считал себя опытным мэтром. «Ну, Юрище, с “крещением” тебя! Первое за время твоей работы убийство. Собирай экспертный портфель!» Дорога лежала в деревню Симаково — ближайшую к районному центру по грунтовке, ведущей в Псков. Сразу за последними избами окраин поселка побежали поля выкопанного картофеля, холмы, покрытые по-осеннему ярким багряно-золотистым березняком. Симаково виднелось издали, на высоком красивом косогоре над оврагом, по дну которого бежала речушка с водой кристальной чистоты.

Заехавший за мной Саня, начальник угрозыска, уже успевший побывать на месте происшествия, по дороге тараторил без умолку. Я молча слушал, по унаследованной от отца привычке отфильтровывая в любом разговоре нужную для себя суть: «Дед, дед ее грохнул, достала она старика своими придирками! Нет у него алиби! Нет! Кому больше? Дачники разъехались, в деревне каждый человек на виду!»

«Кто обнаружил тело, когда в милицию сообщили?» — прервал я Александра, уже радостно позвякивавшего наручниками. Саня несколько подкис, но сразу же ответил: «Муж и сообщил. Говорит, сразу же, как вернулся из районного центра, около пятнадцати часов».

Старенький уазик дежурной части райотдела внутренних дел между тем уже карабкался, трясясь и урча от натуги, по грунтовой дороге, ведущей к деревне. Вот и опрятный красивый дом, где совершилось злое дело. На крыльце нас встретили следователь проку-

ратуры, двое знакомых работников отделения уголовного розыска и две бабули — соседки, необычно молчаливые, словно боящиеся проронить слово. Саня, отстранив подчиненных, повел нас в дом. В кухоньке, низко опустив седую всклокоченную голову на огромные натруженные кулаки, лежащие на столе, сидел дед Николай, муж убитой. Маленькие комнаты поразили чистотой, уютом. Из красного угла на нас скорбно смотрел потемневший, покрытый белоснежным рушником, Образ Пресвятой Богородицы. Как-то особенно вкусно пахло свежим ржаным хлебом. Как оказалось, рано утром в русской печи его испекла хозяйка.

Прошли молча в следующую комнату. Наискосок, головой к окну, лицом вниз, в огромной луже крови, пропитавшей пестрый домотканый половик, лежал труп хозяйки мощной комплекции, бабы Нюры. Рядом с телом находилось и орудие убийства — топор, на лезвии которого горела яркими потеками алая кровь...

Я осторожно перевернул тело. Обратило на себя внимание хорошее развитие трупного окоченения, редкое у стариков. Левый глаз заплыл округлым кровоподтеком. Совершенно седые волосы были обильно пропитаны кровью. На обоих предплечьях четко запечатлелись округлые четкие кровоподтеки («пальчики», как мы их называем), обычно свидетельствующие о борьбе и самообороне. Начинаясь в верхней части лба, кзади, к центру теменной области, уходила огромная рана, в дне которой виднелся зияющий перелом, столь характерный для действия рубящих орудий. Кажется, все было предельно ясно.

Довольный Александр, потирая руки (в те далекие годы оперативники за раскрытие преступления по горячим следам получали солидные премии), торопил нас с Евгением: «Сейчас быстренько все оформим, и можете катиться на свои грибные плантации. Да будьте осторожнее — на полигоне позавчера медведя видели! А мы потихоньку дедулю в камеру повезем!»

Экспертной добросовестности ради, я осмотрел и одежду деда, и его руки — ни капельки, ни брызги, ни помарки крови. Случайно (случайно ли?) поднял глаза на икону. Внезапно вышедшее из осенних туч солнышко бросило в комнату через блиставшие чистотой стекла сноп своих лучей, и лик Пресвятой Богородицы осветился на

миг, призывая, как прожектор маяка, на верную дорогу, а затем вновь погас. Что-то заставило меня вернуться к трупу. Рукой в перчатке осторожно взял топор, стал осматривать. И вдруг... Как часто потом эти «вдруг» на местах происшествий меняли традиционный ход моих умозаключений и логических построений! Засомневавшись, подошел к окну, держа в руке лупу. Сомнений не осталось: помимо лезвия, высохшее небольшое пятно крови было и на обухе, хотя часть половика, где располагался обушок, была абсолютно чистой. Но не это поразило — в центре высохшего кровяного пятна красовались два прилипших длинных волоса... ярко-рыжих!

«Есть ли в деревне рыжие?» — обратился я к Александру. Тот помрачнел: «Нету! Нет и не было! "Глухарь" шьете, доктор?» Евгений, осмотрев топор, меня поддержал. «Давайте-ка подворный обход по деревне: нет ли людей с повреждениями?» В это время понятые и участковый инспектор вернулись, осмотрев огороды, колодец, баньку. Милиционер склонился к уху Евгения. Следователь насупился: «Батя! Опять самогон гнали? Месяц назад предупреждал уже бабу Нюру! Где продукция?» Старик поднял голову, мрачно поглядел: «Где ей быть, проклятой? В предбаннике два бидона. А как на пенсионные копейки прожить?» Участковый отрицательно покачал головой — самогон исчез!

Оформление осмотра пришлось прервать, пока оперативники пошли по дворам. Я тщательно упаковал топор с волосами-уликами, следователь опечатал вещественные доказательства. Им предстоял долгий путь — от судебно-биологического отделения Областной экспертизы до стола председательствующего в судебном заседании... Мы вышли на просторное крылечко, закурили, присев на ступени. Солнце, садясь, уже зацепилось за кромку нашего любимого бора на горизонте. С вершины холма на многие километры виднелась тихая, неброская, но такой пронзительной красоты осенняя Псковщина, что глаз было не отвести. Из недальнего болота медленно поднялась стая журавлей, сделала низкий круг над избами, протяжно курлыкая, вдруг как-то очень собранно построилась четким клином и потянулась к югу...

Наши размышления о вечной красоте природы были прерваны толпой сельчан, с шумом двигающейся по деревенской улице. Впереди

два милиционера вели пьяного парня с головой, замотанной влажной тряпкой в виде некой чалмы. Шествие замыкали понятые — теперь, словно обрадованные чем-то, говорливые бабули и торжествующий Александр, несший два пятилитровых эмалированных бидона.

Разгневанный Евгений напустился на него: «Опять Уголовно-процессуальный кодекс нарушаешь? Кто позволил изъять без протокола и фотофиксации?» Саня, не дожидаясь команды следователя, подвел ко мне пьяного парня, грозно скомандовал: «Тряпку с хари сыми!» Дрожащей рукой мужик освободил лоб от мокрого полотенца. Рыжие кудри засветились в лучах заходящего солнца. Мои глаза мгновенно впились в пограничную со лбом волосистую часть головы с помарками крови. Я осторожно раздвинул волосы парня и вскрикнул: на коже виднелась четкая П-образная ссадина, повторяющая по форме и размерам обух топора. Понятые старушки, трещa наперебой, тут же выложили, что парень приехал позавчера из Питера к приятелю, местному пропойце Генке по прозвищу в память давно забытой ремонтной специальности Телевизор.

Саня, жадно следя из-за моего плеча за осмотром, выскочил вперед, железными ручищами схватил приезжего парня: «Ну, рыжий-конопатый, убил бабушку лопатой! Говори! Все говори, как было, гнида!!!»

Парень, трясущейся рукой прикладывая мокрую тряпку к болевшей голове и глядя слезящимися красными глазами сквозь следователя и меня, прошептал, обдав страшным перегаром: «Баба Нюра отказалась в долг дать, а у меня уже глюки начинались. Магазина в деревне нет. Не стерпел, хотел силой взять... Она первая на меня со своим проклятым топором пошла, мгновенно по башке “засветила”, хорошо, что вскользь попала...»

* * *

История эта имела, помимо закономерного юридического продолжения (рыжий был осужден за убийство при превышении пределов необходимой обороны), и необычное бытовое. Быстро пролетели три года работы на Псковщине. Несмотря на уговоры районного начальства и Областного судебно-медицинского экспер-

та Владимира Петровича Абросимова, я собирался возвращаться домой, в Ленинград. Как-то вечером в дверь кабинета раздался осторожный стук. Дверь тихо отворилась, с трудом пропуская могучую фигуру деда Николая. Я сразу узнал его, хотя почти три года не видел. Он совсем поседел, ссутулился, но глаза были такие же ясные и проницательные, как тогда...

«Слыхал я, доктор, что домой ты собрался, в Питер. Ангела Хранителя в дальней дорожке! Долгой жизни тебе! Прими подарок малый. Очень ее покойница любила...» Осторожно положил передо мной чистый белый сверток, развернул. На столе возникла темная, выгнувшаяся от древности дугой икона, с которой глянул на меня ласково и строго лик Богоматери. Той самой, посоветовавшей не торопиться! Комната словно осветилась. Перекрестившись, я взял образ в руки, поцеловал, как учила бабушка. С трудом прочел надпись древней вязью и, повернувшись, хотел поблагодарить, но комната была уже пуста...

* * *

Сколько быстрых и разных лет пронеслось, пробежало, пролетело с тех пор! Почти каждую осень приезжаю я на любимую свою Псковщину. За прошедшие годы земля эта и люди ее стали для меня родными. Обхожу знакомых, обязательно бываю и на поселковом кладбище. Как пятьдесят лет назад, утром идя по центральной улице на работу, я здоровался почти с каждым встречным, так и теперь, проходя главной аллеей погоста, вижу знакомые лица. Останавливаюсь перед могилками. Места вечного упокоения деда Николая и бабы Нюры — на обширном семейном месте, в окружении захоронений близких, со стройными светлыми березками «в головах». Приношу гостинец — скромные цветы, крошки для птах небесных, поминальную православную молитву...

ЦЕМЕНТНЫЙ БУШЛАТ ДЛЯ ГНИДЫ

Утро стояло солнечное и теплое. Поселок звал меня к августовскому шуму, к прохладному ветерку, к тополям, растущим вдоль реки. Тишина утренних улиц была прозрачна и хотелось думать о чистоте человеческих душ. Не выдержав сидения за столом комнаты на втором этаже, по соседству с крышами (ясно было слышно, как в колодце двора скребет и шуршит метла по асфальту), я вышел на центральную улицу поселка, где работал уже почти три года.

О чем я думал, стоя на улице и смотря на ряды покрытых пылью августовских лип, наблюдая, как за пешеходной дорожкой тащится автобус, обозревая этот провинциальный мир? Может быть, о том, что районные городки не обладают теми красотами и достоинствами, которыми должна отличаться жизнь на природе: одни серые однотонные дома, и то долгий дождь, то многодневное солнце, да по ночам в окнах синий глазок телевизора. Тоска, скука, часто — пьянство. Очень странно. А потому странно, что лес прекрасный вокруг стоит. Вот древний дуб, шевелящийся на ветру, вот речка, обильная рыбой и раками, вот грибы в молодом осиннике. Вот свежесть первого инея — чудо природы. Вот осень багрово-золотая. Вот поэзия вокруг, — кажется, одна поэзия. А заглянешь в «прокопченные» лица, услышишь провинциальную речь («отвали, блин, вооще достал, твою перемать»), и настроение портится. Как соединить эту природную и возвышенную красоту с теми, кто на ней живет? И не находишь ответа. Впрочем, на Руси всегда было так: три процента святых, три процента гениев, а остальные — просто, что называется, народ. Провинция с ее недалеким сознанием. Вот недавний пример: пьяный мужик изнасиловал свою дочь, та пожаловалась матери, мать — в милицию. Насильник схватил ружье, погнался за обеими,

застрелил жену, дочь убежала. Теперь будут судить злодея, — но поймет ли он, что содеял? Какое количество преступлений объясняется неуемной тягой к водке — этой дикой анестезии жизни... «У этого человека в сосудах не кровь, а грязь, а потому пролить ее — не тяжкий грех», — так и хочется сказать о некоторых людях, совершающих умышленные убийства. Сознанием понимаю, что согрешаю в своей оценке, но иногда смотреть спокойно на все это нет сил. Впрочем, дает жизнь и вправе прервать ее нить лишь Господь, а потому... Потому «не судите, и не судимы будете!».

Судебно-медицинский эксперт всю свою профессиональную жизнь видит головы трупов. Лицо убитого — Апокалипсис страдания, даже если убийство произошло быстро. Как долго летит пуля, выпущенная в жертву? Доли секунды... А на лицах — предсмертная мука, тоска... «Меня не за что убивать!» — крик как бы оборван пулей, ножом, петлей... Формальное материалистическое суждение — мышцы после смерти обычно расслабляются, тело «успокаивается», возможно, с этим и связано слово «покойник». Почему же столь отличны лица у людей, погибших насильственной смертью (убитых, наложивших на себя руки), от тихих умиротворенных ликов умерших от болезней?

Вот еще одна из мрачных историй, которую я вспомнил, перебирая копии псковских заключений 1970-х годов, вспоминания лица усопших. Как же давно это было!

* * *

В марте 197... года в районный отдел внутренних дел обратился Сергей Петрищев с просьбой выяснить судьбу матери, которая исчезла около месяца тому назад. Он пояснил, что накануне вернулся из длительной командировки, других родственников у пропавшей в поселке нет. Ксения Ивановна, 52 лет, жила в незарегистрированном браке с неким Ильей Федоровым отдельно от сына на краю поселка, в старом просторном доме, возведенном около ста лет назад еще ее дедом. Некогда ухоженный, ныне производил он гнетущее впечатление покосившимся правым углом, потемневшей древесиной, облупившейся краской рам, давно не мытыми стеклами окон. Бурьяном поросли неполотые гряды, одичал яблоневый сад...

Центральной нитью совместной жизни семьи был с утра поиск спиртного, днем — его употребление, к ночи — нудная ругань из-за «алкогольной недостаточности». При опросе соседей участковым инспектором одна из постоянных участниц этих «бдений», 50-летняя Варвара К., вспомнила важную деталь. Разгневанная отсутствием товарки, которая всегда безотказно наливала рюмку, помогала, чем могла, давая в долг, поручая присмотреть за немудреным хозяйством из трех куриц и пяти кроликов, Вар-вар-вара, как называла ее языкастая поселковая детвора за легкое заикание, не побоялась рассказать правду. Месяца полтора тому назад пропавшая позже соседка прибежала к ней после избиения сожителем и, обливаясь слезами, сказала, что Федоров, в прошлом флотский служака, грозится построить ей «цементный бушлат». «Мешка цемента на тебя не пожалею, гнида!» — якобы повторял он супруге, уличив в том, что она единолично допила початую бутылку водки.

Опрос Федорова ничего не дал. Он заявил, что жена три недели назад уехала в Ленинград к дальним родственникам на отдых, обещала вернуться через месяц, адреса и телефона не оставила.

Видимо, подозревавший недоброе сын явился к отчиму выяснять подробности исчезновения матери, но никакого толка не добился. Встретив вечером на улице знакомого сотрудника уголовного розыска, Сергей пожаловался на страшный беспорядок в доме, и прежде не отличавшемся уютом. «И еще страшная вонь, словно разлагаются в подвале крысы после употребления отравленных приманок», — добавил он...

* * *

В те далекие годы в практику еще только начинал входить так называемый «трупоискатель» — специально адаптированный к криминалистическим целям газоанализатор, снабженный индикаторным устройством, чутко реагирующий на продукты распада трупных тканей. Новинку специально привез прокурор-криминалист областной прокуратуры, приехав в П...ский район после звонка районных коллег. Прокурор Виталий Дмитриевич Ротенко, внимательно проштудировав материалы о «безвестном отсутствии

гражданки Петрищевой», возбудил уголовное дело и дал указание об обыске в доме погибшей с применением спецтехники.

Ознакомленный с постановлением внезапно нагрянувшей милиции Федоров, внешне не выказав никакого удивления, попросил сходить к соседу за хлебом, сославшись на отсутствие в доме продуктов. «Ребята! Проводите хозяина и быстро с ним обратно!» — посуровев лицом, распорядился Ротенко. В отличие от членов оперативно-следственной группы, прокурор, как выяснилось позже, уже знал о богатом уголовном прошлом Федорова[1].

Следователь прокуратуры Женя Оспельников схватил меня «тепленьким» прямо у вагона пассажирского поезда, только что прибывшего из Питера: «Будет интересно, старик! Рубль за сто! Поехали!» Не зная фабулы, я недоумевал, зачем пригласили судебно-медицинского эксперта, если нет объекта для него — трупа, и от нечего делать осматривал старинную, ручной работы, прялку хозяйки, созданную из потемневшей потрескавшейся липы по меньшей мере лет сто назад.

Мое недоумение развеял хозяин дома. Совершенно спокойно Федоров после того, как ему показали «трупоискатель» и объяснили, что он будет применен в рамках обыска, заметил: «Нет нужды технику зря тревожить... Мне бы явку с повинной оформить, гражданин прокурор...» — просительно обратился он к Ротенко. Виталий Дмитриевич, не говоря ни слова, кивнул старшему оперуполномоченному отделения уголовного розыска, принимавшему участие в обыске. Авторучка капитана быстро побежала по листу бумаги...

* * *

23 февраля был Мужской день, как теперь говорят, отмечая праздник Армии и Флота. Постепенно центр праздника некоторых поселковых мужиков сместился на окраину, в известный шалман «Зеленый змей» (официальное название — кафе «Незабудка»). Заведение это живописно располагалось на берегу канавы, куда сбра-

[1] Как оказалось, наш фигурант в молодости отбыл десятилетний срок заключения за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах.

сывали свои отработанные воды молочный завод, хлебокомбинат и лимонадный цех. Ароматы этой мутной реки смешивались с густым запахом пота, пива и грязного белья в зале «Незабудки». Знаменитая хозяйка заведения Валя-Губа[1] щедрой рукой недоливала посетителям уже загодя разбавленное пиво. Воздух был густ не только от невообразимых ароматов, но и от мата и обилия мух. У одного из столиков вальяжно расположились Ксения Ивановна с сожителем, Вар-вар-вара и ее брат, приехавший из Питера на несколько дней. Деньги кончились, пиво, сдобренное принесенной бутылкой «Московской водки», — тоже. Разговор постепенно затихал. Ксюша, позабыв о ревнивом сожителе, подмигивая и смеясь, все ближе подвигалась к ленинградцу, с которым когда-то училась в одном классе. Воспоминания молодости захватили обоих... Внезапно, без видимой, казалось бы, причины, как это нередко бывает у зэков, Федоров психанул — хватил пустой бутылкой «Московской» о столик так, что битое стекло усеяло остатки закуски. Держа в руках грозное оружие — стеклянную «розочку», он тихо сказал подруге: «Всё! Дальнейшие детали детства золотого расскажешь мне дома, б... !» Ксения поняла, что спорить бесполезно. Вечер был испорчен, на звон разбитого стекла к столику от барной стойки уже выдвигалась, покачиваясь, Валя-Губа, угрожающе держа в руке швабру, как пику...

Федоров умолк, затянувшись папиросой. Напрасно Ротенко пытался проникнуть под неподвижность маскообразного лица допрашиваемого. «Что было дальше?» — «А дальше был обычный “разбор полетов”... Ну, приложил я ей кулаком по морде пару раз. Она не падала, сознания не теряла, кровь из носа не шла, — опережая давно известные уголовнику вопросы, отчеканил Федоров. — Легли спать, а утром я увидел, что Ксюша уже холодная. Выпил с горя бутылку водки, помянул покойницу и незаметно уснул». Якобы проснулся только к вечеру, но в милицию идти побоялся — все равно не поверили бы, что сама «копыта отбросила». Федоров перенес труп в глубокий подвал, уже расчищенный под очередной урожай картофеля, вырыл углубление по размерам тела и «прикопал» покойницу. В сарае хранились два мешка цемента, приготовленного

[1] Прозвище Валентина Ивановна получила из-за рубцовой деформации верхней губы как следствия сражений с посетителями «Незабудки».

для ремонтных работ. Полузабытые навыки строителя Федорову вспомнились быстро — толстый слой хорошо схватывавшегося цемента покрыл тело, подобно крышке саркофага...

«Вот и всё, — устало сказал Федоров, погасив очередной окурок в старом грязном блюдце, служившем в доме пепельницей. — Разбить цемент будет нетрудно, слой его — от пяти до десяти сантиметров. Сгодятся и стамеска, и лом, и лопата».

* * *

Обычный осмотр и описание тела на месте обнаружения сократили до минимума из-за «экстремальных условий» работы следователя и экспертов. Полуразложившийся труп, издававший зловоние, был аккуратно освобожден из цементного плена и направлен в судебно-медицинский морг.

На следующий день прошла тяжелая, но необходимая процедура — опознание личности умершей. В присутствии двух понятых поочередно в трупе опознали Ксению Ивановну Петрищеву сначала сын, а затем и подруга, Вар-вар-вара. Опознавали в основном по одежде. Наблюдательная женщина сразу указала на особую примету, подтвержденную затем и медицинской картой, — протяженный грубый рубец на левом предплечье. Много лет назад Ксения Ивановна получила рану на производстве, которая, зажив, сформировала этот рубец. Гордая своими действиями, Вар-вар-вара заглянула к нам в экспертный кабинет: «Ох-ти, страсти какие! Как в аду побывала, нет сил! Васильевна! Налей пятьдесят грамм. Мне старший опер сейчас сказал, что я внесла существенный вклад в раскрытие преступления!»

Нина Васильевна, зная, что в поселке считают медиков держателями огромных объемов медицинского спирта, имела на случай подобных просьб флакон с вожделенной жидкостью, в которой плавала пара-тройка огромных навозных мух, принявших смерть от утопления в спирту. Этот нехитрый прием помогал сэкономить большое количество медикамента, так как даже завзятые выпивохи, жаловавшиеся на гудевшую «после вчерашнего» голову, стеснялись выпить такую «настойку». Варвара Калистратовна оказалась не из таких.

Работавшая на заре туманной юности санитаркой в хирургическом отделении, она прекрасно владела теорией вопроса. «Все продезинфицировано!!! Спасибо, Васильевна! А мух налови свежих», — с хохотом удалилась она, залпом опустошив емкость.

* * *

Следующий трудовой день был обычным. Вскрытия трупов, подвергшихся гнилостной трансформации, проводятся, как правило, в самом конце рабочего дня, для того чтобы не загрязнять атмосферу секционного зала, столы и инструментарий трудно удаляемым запахом. Поэтому, несмотря на нажим прокуратуры, я дал команду санитарам готовить труп Петрищевой для вскрытия лишь в 14 часов, после того как были исследованы другие умершие.

Уже при наружном осмотре мое внимание привлекла неестественная подвижность костей свода черепа. Удалив личинки мух, усеявшие лобную и затылочную области, я понял причины такого «поведения» черепа. В центре лобной области косо-вертикально располагалась четкая полосовидная рана длиной до 6 сантиметров с осадненными мелконеровными краями, дном которой оказались размозженные клетчатка и надкостница. Вправо и почти параллельно виднелась еще одна сходная по характеру рана, длиной до 4 сантиметров. Скелетирование черепа установило простой механизм выявившихся повреждений: два параллельных вертикальных перелома уходили на основание черепа, затухая на крыше глазниц, третий перелом, начинавшийся в зоне округлой ссадины центра затылочной области, затухавшей линейной трещиной уходил в большое затылочное отверстие. Твердая мозговая оболочка в зонах переломов была с очаговыми наложениями бурых масс (кровоизлияний).

Женя Оспельников, как солдат на посту, надев персонально имевшиеся для него в отделении халат, шапочку и медицинскую марлевую маску, выстоял рядом со мной все вскрытие. Зная мою манеру обсуждать результаты только после полного завершения исследования, он меня не дергал. Наконец Женя не выдержал, увидев, что я снимаю перчатки: «Огласите приговор, сэр! Не томите». — «Какое пьем сегодня пиво, сэр?» — «Бархатное!» — «Тогда слу-

шайте сюда: смерть последовала от открытой тупой черепно-мозговой травмы. В лобную область было нанесено с большой силой два удара удлиненным, скорее всего, цилиндрическим предметом. При этом Петрищева находилась в вертикальном положении. Перелом затылочной области является типичным для падения с высоты роста с ударом задней частью головы о горизонтальную плоскость. Он возник последним по времени. Судя по объему переломов, по кровоизлияниям над и под твердой мозговой оболочкой, имел место и тяжелый ушиб, а возможно, и размозжение ткани головного мозга. Стало быть, Петрищева после ударов уже не поднялась...»

* * *

Виталий Дмитриевич Ротенко, опасаясь подвохов со стороны старого уголовника, поручил Оспельникову привлечь при необходимости меня к допросу Федорова после того, как подозреваемому будет предъявлено Заключение судебно-медицинского эксперта. На первом допросе, внимательно прочтя выводы о времени наступления смерти, совпадавшем с давностью исчезновения Петрищевой, и о ее причине (черепно-мозговая травма), допрашиваемый молчал недолго. «Часто падала она. С высоты роста! Кружение у нее в башке возникало, видимо, от водки. Видно, и приложилась головкой о тупой выступающий предмет, — пародируя, видимо, известные ему юридические и медицинские формулировки, издеваясь, процедил Федоров. — Ничего не докажешь, начальник! И вообще, отказываюсь давать сегодня дальнейшие показания! Время обеда!».

«Ну, Петрищев, иди кушай! Приятного аппетита! На зону я тебя все равно оформлю! Завтра организую с участием эксперта следственный эксперимент на подлинном месте происшествия с показом механизма падения тела», — покраснев от наглости Федорова, кипятился Женя, размахивая авторучкой. И тут произошло то, что я не могу объяснить себе уже много лет. С иронией поглядев на нас, двух пацанов, следователя и эксперта, Илья Иванович (я впервые на допросе узнал его имя) внезапно усмехнулся, без всякой злобы устало сказал: «На хрена мне этот экскремент? Ну, отоварил я ее ухватом по башке пару раз! Заслужила!